

Екатерина Мордвинцева

Право на любовь детектива

УДК 82-312.4
ББК 84-4
М79

Мордвинцева Е.

М79 Право на любовь детектива / Екатерина Мордвинцева. –
М.: Литнет, 2026. – 250 с.

ISBN 978-5-524-00395-9

Оливия Тейперс, помощница мага, мечтала о спокойной жизни. Но всё рухнуло в один миг, когда она нашла тело своего наставника в залитой багровым светом лаборатории. Теперь она – главная подозреваемая. Детектив Стивен Дарвидс, циник, потерявший невесту и заморозивший сердце, уверен: убийца – маг. У Оливии нет дара. Но у неё есть мотив и возможность.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00395-9

© Литнет, 2026
© Мордвинцева Е., 2026

Глава 1

Оливия Тейперс всегда считала, что тишина в лаборатории мастера Вейна бывает только двух видов: рабочая и зловещая.

Рабочая тишина пахла пылью старых фолиантов, сладковатым дымом тлеющего огненного корня и легким озоном, который всегда появлялся после разрядки накопителей. В такой тишине было уютно. Она означала, что мастер просто углубился в расчеты или задремал над очередным трактатом, уронив голову на грудь.

Зловещая тишина была другой.

Она не пахла ничем. Она давила на уши, как вата, которой перевязывают рану – слишком плотно, слишком глухо. Именно такая тишина наступила сейчас.

Оливия замерла у двери лаборатории, сжимая в руке поднос с двумя чашками остывшего уже травяного отвара. Она отлучилась всего на пятнадцать минут. Ровно настолько, чтобы сбегать на кухню, разжечь плиту, заварить любимый вересковый чай мастера и даже успеть помечтать о том, как сегодня пораньше закончит работу и сходит на рынок за новыми перьями для письма.

Она вернулась – и мир словно выключили.

Из-под двери не пробивалось ни полоски света. Ни скрипа старого кресла. Ни покашливания. Ни шороха перелистываемых страниц.

– Мастер? – позвала она тихо, просто чтобы нарушить тишину. Ответа не было.

Оливия поставила поднос на маленький столик у входа, и тот жалобно скрипнул под тяжестью керамики. Скрип прозвучал оглушительно громко в этом вакууме.

Она протянула руку к дверной ручке – обычное латунное кольцо, отполированное за годы до блеска ладонями многих посетителей. Холодное. Слишком холодное. Металл всегда хранил остаточное тепло от магических токов, которые пронизывали лабораторию, но сейчас он был ледяным, будто его только что принесли с мороза.

– Мастер Вейн? – снова позвала она, на этот раз громче, и толкнула дверь.

Та открылась не сразу. Сначала Оливии показалось, что кто-то держит её с обратной стороны, но через секунду створка поддалась, и в лицо ударил запах.

Это был не смрад разложения – слишком мало времени прошло. Это был запах магии, сошедшей с ума. Так пахнет озон после грозы, если смешать его с горелой плотью, железом и ещё чем-то кислым, от чего на языке появляется привкус ржавчины. У Оливии защемило в носу и горле, глаза мгновенно заслезались.

– Мастер! – она уже не звала, она кричала, вбегая внутрь.

Лаборатория утопала в полумраке. Светильники на стенах погасли, магические шары под потолком потускнели до состояния едва тлеющих угольков. Единственным источником света служило нечто в центре комнаты – пульсирующее багровое сияние, которое металось по стенам, как загнанный зверь.

Оливия сделала ещё два шага и остановилась, потому что ноги отказались нести её дальше.

Она увидела его.

Мастер Артур Вейн сидел в своем рабочем кресле. Спинка была откинута, голова запрокинута, руки безвольно свисали вдоль подлокотников. Со стороны могло показаться, что он просто уснул, если бы не одна чудовищная деталь.

Он светился.

Изнутри.

Сквозь кожу на груди пробивалось то самое багровое сияние, которое Оливия приняла за отсвет неизвестного источника. Оно пульсировало в такт сердцу, которое больше не билось. Тонкие трещины расходились по телу мага от центра груди, и из этих трещин сочился свет – жидкий, горячий, неестественный.

– Нет, – выдохнула Оливия. – Нет, нет, нет...

Поднос с чаем, который она каким-то чудом всё ещё сжимала в руках, выпал. Керамика разбилась о каменный пол с оглушитель-

ным звоном, осколки брызнули в стороны, обдав её ноги холодной жидкостью. Оливия даже не почувствовала.

Она сделала шаг к мастеру. Потом другой. Её трясло так сильно, что зубы выбивали дробь, а в ушах стоял противный звон – то ли от разбитой посуды, то ли от магического фона, который продолжал вибрировать в воздухе.

– Пожалуйста... – шептала она, не зная, о чём просит. Чтобы он открыл глаза? Чтобы это оказалось сном? Чтобы мир перестал рушиться прямо сейчас?

Она протянула руку, чтобы коснуться его плеча, но в последний момент отдернула. Страх парализовал волю. Что если она прикоснется к нему и рассыплется? Что если этот свет заразен? Что если она сейчас всё испортит – улики, следы, не дай Создатель, его душу, которая может быть ещё где-то рядом?

Оливия никогда не была сильной. Она была помощницей мага. Она умела чистить реторты, заваривать чай, записывать результаты экспериментов аккуратным почерком и находить нужные книги в этом бедламе, который мастер Вейн называл «системой хранения». Она не умела смотреть на смерть.

Тем более на такую.

Она отступила на шаг. Потом ещё на один. Спина уперлась в холодный край рабочего стола, и Оливия вцепилась в него пальцами, чтобы не упасть.

Взгляд метался по лаборатории, пытаясь найти хоть что-то знакомое, нормальное, живое, что не было пропитано этой багровой жутью.

Вот шкаф с реактивами – цел. Вот стопка её тетрадей с записями за прошлую неделю – ровная стопка. Вот любимая кружка мастера с отбитой ручкой, которую он принципиально не позволял выбросить, – стоит на краю стола, как ни в чём не бывало.

Кружка была цела.

А мастер – нет.

Оливия судорожно вздохнула, и этот вздох вырвался наружу чем-то средним между всхлипом и истерическим смешком. Кружка цела. Глупая, старая кружка пережила своего хозяина.

Она зажмурилась и приказала себе успокоиться. Раз. Два. Три. Дыши.

Она помощница мага. Она не имеет права раскисать. Нужно звать на помощь. Нужно бежать в стражу, к соседям, к кому угодно. Нужно...

Стеклянный звон.

Оливия распахнула глаза и замерла.

Звук повторился. Тонкий, высокий, похожий на треск льда под ногами весной. Он доносился откуда-то справа, из дальнего угла лаборатории, где стоял стеллаж с магическими кристаллами и готовыми артефактами.

Она медленно повернула голову и увидела, как по стеклянному колпаку, накрывающему один из экспонатов, побежала трещина. Тонкая, почти незаметная, но живая – она росла прямо на глазах, ветвилась, ползла вверх, к самому верху.

А потом колпак рассыпался.

Не упал, не разбился – именно рассыпался на тысячи мельчайших осколков, которые брызнули во все стороны с такой силой, что Оливия инстинктивно пригнулась и закрыла голову руками. Осколки застучали по стенам, по полу, по её спине – больно, хлестко, как град.

Когда звон стих, она осторожно подняла голову.

В углу, на полке, где только что стоял стеклянный колпак, теперь лежал обнаженный артефакт – тот самый, над которым мастер Вейн работал последние три недели. Оливия узнала его: заказ Торгового дома Ашер.

Мастер говорил, что это что-то сложное, связанное с подавлением боли, но подробностей не раскрывал – заказчик требовал секретности.

Артефакт пульсировал ровным синим светом. Спокойным. Живым.

В то время как его создатель угасал в двух шагах, залитый багровым заревом собственной смерти.

Оливия смотрела на эту синюю пульсацию и чувствовала, как внутри неё что-то обрывается. Это неправильно. Это всё неправильно. Артефакты не должны работать, когда их создатель мёртв. Магия привязана к творцу, она угасает вместе с ним, если только...

Если только смерть не наступила мгновенно и не была насильственной. Если только магию не вырвали из мага силой.

Если только мастер Вейн не отдал свою жизнь вот этому синему камню, который теперь спокойно лежал на полке и перемигивался с ней, как ни в чём не бывало.

– Оливия! – раздалось от двери, и она вздрогнула так сильно, что едва не упала.

На пороге стоял Мэтт, рассыльный из лавки магических принадлежностей на первом этаже. Мальчишка был бледен как мел, его глаза расширились до невозможных размеров, а челюсть отвисла, грозя вот-вот коснуться груди.

– Оливия, что... что это? – прошептал он, глядя куда-то ей за спину.

Она обернулась и снова увидела мастера Вейна. Свет в его груди начал угасать. Багровые всполохи бились всё реже, трещины на коже темнели, превращаясь в обычные ожоги. Тело обмякло, голова склонилась набок, и Оливия вдруг отчетливо поняла, что только что видела посмертный выброс магии – то, что остаётся, когда сильный дар покидает тело, не найдя выхода.

– Беги за стражей, – сказала она, удивившись собственному спокойному голосу. – Быстро. Скажи, что убийство. Мага убили.

Мэтт кивнул, развернулся и исчез в коридоре, топая сапогами так громко, будто за ним гнались демоны.

Оливия осталась одна.

Она смотрела на мастера Вейна и не могла отвести взгляд. Ещё утром он жаловался на боли в спине, просил её принести согревающую мазь и ворчал, что заказчик торопит, а магия не терпит суесть. Ещё утром он был живым. Таким живым, что это раздражало.

– Простите, мастер, – прошептала она непонятно за что. За то, что не уберегла? За то, что ушла за этим дурацким чаем? За то, что стоит сейчас и смотрит, вместо того чтобы сделать хоть что-то?

Она сделала шаг вперёд. Потом другой. Тело слушалось плохо, колени дрожали, но она заставила себя подойти к креслу и опуститься на корточки рядом.

Свет в груди почти погас. Теперь можно было разглядеть лицо мастера – спокойное, даже умиротворённое, как будто он просто уснул и видит хороший сон. Ни следа боли, ни гримасы ужаса. Смерть наступила мгновенно. Настолько мгновенно, что он даже не успел испугаться.

Оливия протянула руку и коснулась его холодной ладони.

– Я найду того, кто это сделал, – пообещала она тихо. – Клянусь.

В коридоре зашумели. Громкие голоса, топот множества ног, лязг металла. Стража прибыла быстрее, чем она ожидала.

Оливия поднялась с колен, но не отошла от тела. Она стояла и ждала, когда они войдут, чтобы увидеть её именно здесь – рядом с убитым, с заплаканным лицом и трясущимися руками.

Она не знала тогда, что этот момент станет первым, что увидят стражники, и первым, что запишут в протокол. Помощница. Обнаружила тело. Стояла рядом. Сомнительно.

Она не знала, что через час перед ней появится высокий мужчина в тёмном плаще с серебряной бляхой детектива на груди, и посмотрит на неё так, будто она уже во всём призналась.

Она не знала, что его имя – Стивен Дарвидс, и что эта встреча перевернёт её жизнь.

Но всё это будет потом.

А пока она просто стояла в разгромленной лаборатории, пахнущей смертью и безумной магией, и смотрела на человека, который заменил ей семью, наставника и просто друга.

Стеклянный звон всё ещё звенел в ушах.

Она боялась, что теперь будет звенеть всегда.

Стража ворвалась в лабораторию, как вода прорывает плотины – шумно, стремительно и совершенно беспорядочно. Первым вбежал молодой парень в лёгком кожаном доспехе, сжимающий в руке артефактный жезл, который должен был светиться в присутствии активной магии. Жезл засветился так ярко, что парень выронил его с ругательством, и тот покатился по полу, оставляя за собой искрящийся след.

– Стоять! – заорал кто-то сзади. – Всем стоять, не двигаться, не трогать!

Оливия и не двигалась. Она так и замерла у кресла мастера, наблюдая, как лаборатория наполняется людьми. Они были везде – топтали сапогами по осколкам стекла, задевали полами плащей стопки книг, дышали тяжело и часто, наполняя воздух запахом пота, кожи и дешёвого табака.

– Вы кто? – рявкнул тот же голос, и перед Оливией возник усатый мужчина с нашивками старшего патруля. – Что здесь произошло?

– Я... я помощница, – выдохнула Оливия, кивая на тело. – Мастер Вейн... он мёртв. Я вернулась с чаем, а он уже...

– Всем выйти! – новый голос перекрыл шум, как удар грома. Он был низким, холодным и не терпящим возражений.

Стражники замерли. Даже усатый старший как-то сжался и сделал шаг в сторону, освобождая проход.

Оливия подняла глаза и увидела его.

Высокий. Темноволосый. В длинном тёмно-синем плаще, под которым угадывался простой, но добротный костюм. На груди – серебряная бляха с гербом города и буквой «D» в центре. Детектив. Настоящий детектив, а не просто стражник.

Но дело было не в одежде. Дело было в глазах.

Они смотрели на неё в упор – серые, холодные, как зимнее море, и совершенно пустые. Без эмоций. Без интереса. Без жалости.

Так смотрят на вещи, которые нужно осмотреть, описать и либо убрать, либо использовать.

– Кто обнаружил тело? – спросил он, остановившись в двух шагах от неё.

– Я, – ответила Оливия, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Имя.

– Оливия Тейперс. Я помощница мастера Вейна. Работаю у него... работала почти три года.

– Что вы здесь делали в момент убийства?

– Я... я не знаю, когда оно произошло. Я отлучалась на кухню, чтобы заварить чай. Вернулась, а он уже...

– Где кухня?

– На первом этаже. В общей гостиной.

– Сколько вас отсутствовали?

– Минут пятнадцать. Может, двадцать.

Детектив перевёл взгляд на тело. Впервые за всё время разговора его лицо хоть что-то выразило – лёгкое, едва уловимое напряжение в скулах.

– Магический выброс, – произнёс он не то ей, не то себе. – Прямой в сердце. Кто-то хотел не просто убить, а забрать дар.

Оливия вздрогнула.

– Забрать? Но это же...

– Невозможно? – он резко повернулся к ней. – Для обычного человека – да. Для того, кто знает нужный ритуал – нет.

Он снова уставился на неё, и от этого взгляда захотелось провалиться сквозь землю. Он будто просвечивал её насквозь, видел каждый нерв, каждую мысль, каждую тайну, которые она пыталась удержать внутри.

– Вы маг? – спросил он вдруг.

– Я? – опешила Оливия. – Нет. То есть... у меня нет дара. Со всем. Я просто помощница. Записываю, приношу, убираю...

– Значит, вы не могли этого сделать, – оборвал он. – Физически. Хорошо. Это сужает круг.